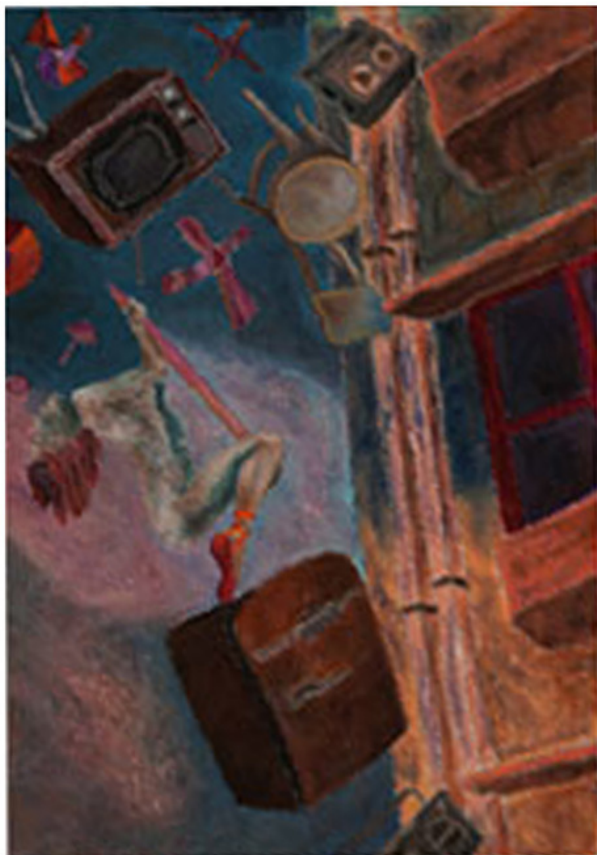

ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ

ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ

ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ

ПОСЛЕ МЮЗИКЛА

Пётр Межурицкий После мюзикла

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10282400

*После мюзикла (Большая книга стихов): стихотворения и поэмы /
Пётр Межурицкий ; ил. Максим Межурицкий.: BRIDGE; Иерусалим ;*

2015

ISBN 978-965-7467-94-7

Аннотация

В книгу «После мюзикла» современного русского поэта наряду с произведениями, знакомыми читателю по авторским сборникам «Места обитания», «Пчёлы жалят задом наперёд», «Эпоха кабаре» и публикациям в журналах «Континент», «Интерпоэзия», «22», «Зарубежные записки», «Иерусалимский журнал», «Южное сияние», «Лучшие стихи 2012 года. Антология» и др., вошли новые стихи, циклы стихотворений и поэма «Троцкий и печник»...

...А ещё – очень много густой и пряной ауры Земли обетованной.

Содержание

В защиту стрелочника	10
«Прощай, империя Петра...»	12
«Жвачку смерти дожую...»	13
После присутствия	14
«У Бога вечно катастрофы...»	15
«Как русский и еврей...»	16
Единство мира	17
Последний император	25
Свобода света	26
Преодоление	27
«Не то чтобы чёрт нам не страшен...»	29
Цена вопроса	30
«А ведь в самом деле было ж...»	31
Знание	32
Псалом	33
Издержки	35
Песчинка	36
Завсегдагаи	37
Мейнстрим на закате	38
«Куда-то благость делась...»	39
Элегия	40
Клеветникам интима	41
Этногенезия	42

На чистой воде	43
G-tt, Жуков и Никифор	44
Реквием	45
«Пускай в любви ты умираешь...»	46
«Пришла пора мне вспомнить детство...»	47
Земля и небо	48
Римский мир	51
Вовочкиада	52
«От истин не коси и...»	56
Падение небес	57
Узелок	58
«А вот и Киев-мать...»	59
«Ты смотришь через не могу...»	60
«Чем в ужасе решать задачи...»	61
От Парменида Элейского	62
«Дней святых угодники...»	63
«Не знаю, мир наш безупречно...»	64
«Подумаешь, желток-белок...»	65
«А чего мне глядеть вперёд...»	66
«Известный творец неизвестных поэм...»	67
«Бывают засухи и ливни...»	68
Вечер с nostalgie	69
Встречи	70
О старых и новых истинах	72
«Пускай и впрямь отважный лыжник...»	73
«Оглядись: повсюду храмы...»	74

Живопись и графика	75
Машина	76
«Тот свет, конечно, есть...»	77
«Россия – сфинкс? Какой там хрен...»	78
Роман на льду	79
«С начала дней мир слышит эту арию...»	80
Иудейские зимы	81
«Когда бразильцам надоест футбол...»	82
«Публика – дура, а паства – тем более...»	83
Братья и сёстры	84
«В международных отношениях...»	86
Анальгетика	87
«Гуманизма дефицит...»	88
«Как не сказал Кокто...»	89
«Подавись хоть молочая...»	90
Правда про конвой	91
Экскурс	92
Приглашение	93
«Филофобу фобифил...»	94
«Над мостовой почти неприкасаемо...»	95
«От Рождества до Воскресенья...»	96
Астрофизика	97
«Эпоха войн и революций...»	98
Генсек	99
Послание Пилата	101
Явь	102

Мариус, жираф датский	103
Миф и завет	104
Опция	105
«Во глубине сибирских руд...»	106
«Как по милости монаршей...»	107
«Была бы хоть какая крутизна, и...»	108
Пришествия	109
Вторая заповедь	110
«Замочить чтоб гения...»	111
Топонимы	112
«Смерти личинка...»	113
«Бандиты есть бандиты...»	114
Три ада	115
С первой и до последней цифры, пожалуйста	116
Статусы	120
Permanent	121
Из книги княжений	122
Родословная	123
Поздняя весна	124
Дом	125
«Идут часы, бежит река...»	126
Вечный город	127
«Сдуру горная гряда...»	128
Трапеза	129
«На светлый праздник Рождества...»	130
«Если баба влюблена...»	131

«Шестикрылый серафим...»	132
Генезис	133
«Если в доме караоке...»	134
«Какова бы ни была стезя...»	135
Мужчины и женщины	136
«Эластичен нравственности остов...»	137
Антиисход	138
«Что смертным ухабы...»	139
Относительность	140
«В итоге или, прямо скажем – в сумме...»	141
Иосиф и лев	142
«Хоть я не верю в антибога...»	143
«Жизнь – это театр...»	144
«Ценят по-разному...»	145
Письма лишнего человека	146
«Будешь ли достаточно ретив...»	147
Русская земля	148
«Поскольку всё устроено хитро...»	149
«Город без наркотиков...»	150
Передышка	151
Старое время	152
Континент	153
Немыслимое чудо	155
Для души	156
Конец истории	157
О социальных лифтах	158

«Бейте в голову контрольным...»	159
Ностальгическая правда	160
«Отнюдь не шизофреник...»	161
«Мне и привычки мои не нужны...»	162
Об экспертном сообществе	163
Педагогическая поэма	164
Смерть чиновника	165
«Нисколько мне не мил...»	166
«Не альфа и омега...»	167
Оборона Востока	168
«Обожаю вальсики и блюзики...»	169
«Всегда со всеми ровен...»	170
«Нам семьдесят скоро...»	171
«История – петля...»	172
«Ходят имяреки...»	173
«Весь как, извините, ребус...»	174
Мандат	175
Охотничья песенка	176
«Поминая присных наудачу...»	177
«Я – Толстой, на мне толстовка...»	178
Гурман	179
Памятник	180
«Что нам надо...»	181
«Чувак, не будь по жизни чайником...»	182
Непротивления	183
«Боюсь ли Страшного суда?...»	184

«И ты на целый мир не в ярости...»	185
Эволюция бунта	186
«Природа, как была наук мудрей...»	187
«История берёт веса...»	188
Подмосковные стансы	189
Ляля и гражданин	191
Теория общей судьбы	193
Памяти хороших времён	194
Особый путь	195
Свято место	197
Бург	198
«И в очумелом бездорожье...»	199
«Поскольку истина проста...»	200
«Если правда есть Небесный босс...»	201
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Пётр Межурицкий
После мюзикла.
(Большая книга стихов)

Автор благодарит Pr. Maryana Apel Professional Corporation за поддержку в издании книги

В защиту стрелочника
Книга первая

«Прощай, империя Петра...»

Прощай, империя Петра,
ты слишком чёрная дыра,
хоть вместе с этим заодно
ты всё же светлое пятно.

Сквозят забвения травой
и ты сама, и Пушкин твой,
и модам быстротечным дань,
и близкий классово юань,
и с лишним трёх веков кора, —

прощай, империя Петра,
страна штыка и пули-дуры,
заслуженной радистки Кэт,
рабочих и номенклатуры,
как о тебе сказал поэт
в эпоху старины глубокой,
который век назад тому,
что не могло не выйти боком
не будем спрашивать – кому.

«Жвачку смерти дожую...»

Жвачку смерти дожую,
глядя против шерсти я, —
за окошком дежавю —
вот и все известия.

Правит бал всё та же знать,
плебс всё так же прост, поди —
из торговцев Храм изгнать
невозможно, Господи.

После присутствия

Лжепалестина и Лженовороссия,
что-то запутался в этом вопросе я,
что-то сомненья гнетут, —
знай себе скалятся мордами синими
здесь и сейчас под родными осинами,
словно бы весь я не тут.

Словно бы где-то на улице Алленби
или, допустим, на крейсера палубе,
или в гвардейском строю
на выпускном, предположим, экзамене
под чужеземным развёрнутым знаменем
мне хорошо, как в раю.

Словно бы с энтузиазмом профессора
в данном забеге на летопись Нестора
ставлю на зависть врагу,
хоть и доказано выше, что вроде бы
весь я не тут, да и наши не в городе,
с чем их поздравить могу.

«У Бога вечно катастрофы...»

У Бога вечно катастрофы—
где не цунами, там торнадо—
я посвящаю эти строфы
всему тому, чему не надо,
а мне бы там, где вечер томен,
хранить бы голову в панаме,
не понимая, а на что мне
жизнь без торнадо и цунами,
с ленцой заказывать бы кофе,
зазя теряя время всуе,
и напевать соседке Софе
о том, как жаль, что спит Везувий, —
как это было б охрененно
среди платанов и акаций,
а то у нас опять сирена,
опять в убежище спускаться.

«Как русский и еврей...»

Как русский и еврей,
боюсь я сентяблей,
когда цена мне – грош,
да и октябрь хорош.

Единство мира

1.

О Волга, колыбель Некрасова,
любил ли кто тебя так классово
и в то же время столь неистово? —
об этом я спрошу у пристава,
в чём ничего нет непотребного, —
и не простого, а судебного.

2.

Гей, родимая сторонка,
парк культуры, оборонка,
дача, удочка, гамак,
синагога и продмаг,
пионеры, аксакалы,
пот кровавый, даль и близь,
но просрали идеалы,
в олигархи подались.

3.

С чистенького листа
впишется в послесловие
паки и паки стан,
не говори: «Московия».

4.

Русский мир, как мир арабский,
разумеется, не рабский
и отнюдь не агрессивный,
но сугубо прогрессивный
на подъеме и на спуске, —
и арабский мир, как русский,
потому что лучше краж,
например, Арабский марш...

Те же скрепы и ключи,
хоть арабский не учи.

5.

За державу не обидно,
каждый ею сыт от пуза, —
на коляске инвалидной
герб Советского Союза,

за коляскою колонны
держат шаг, полны отваги,
примадонны бьют поклоны,
беззаветно служат маги,

экзекуцией стрелецкой
утро красит быт над бездной, —
хорошо в Стране Советской,
лучше только в Поднебесной.

6.

Коль славен Господь в Палестине,
а где ещё славен Господь,
то дело совсем не в осине,
на коей болтается плоть.

Неважно, какой там синоним,
а паче того – эвфемизм,
что может быть славным в Сионе?
Естественно, лишь сионизм.

А где-то в России плотины,
в труде, не считая невзгод,
возводит народ Палестины,
церковный советский народ.

7.

Рабочий Травкин, адвокат Макаров...
Страна неисчерпаемых кошмаров
и сердце надрывающих красот,
ничто тебя на свете не спасёт, —

а встанет или нет из гроба Сталин,
вникать не будем в мелкие детали.

8.

Каков прогресс,
таков римейк:
—Христос воскрес!
—Воистину не фейк!

9.

Я без Парижа не могу
жить ни пешком, ни на бегу,
ни в сладком, ни в кошмарном сне,
ни просто так и ни зане —
старо? Да что ты говоришь!
Я все равно хочу в Париж
и даже в мыслях не зову
Москву, Москву, Москву, Москву...

10.

Какие есть на свете города,
не города, а сущая беда,
куда и писем лучше не пиши
и даже не точи карандаши,

тут миг любой считай что навсегда, —
и страны есть такие, господа.

11.

Кого сильнее и богаче,
а уж умнее, так тем паче,
Россия? Бога? По секрету,
как ни печально для осанн,
скажу тебе, что Бога нету,
как будто ты не знаешь сам,
и, может быть, не будет долго,
и нет в Нём никакого толка

не вдруг и сразу и теперь лишь,
и ты не зря ничуть не веришь,
что будто жмёт Он на педаль,
а все равно Россию жаль.

12.

По ком звонит, не знаю, рында —
не счесть веков, планет и стран —
но за Россию мне не стыдно,
и мне не стыдно за Иран,
каков ни есть империй фарт, —
прощай, немытый халифат.

13.

День придёт и грозный Шеф
утвердит за пунктом пункт
Свой очередной гешефт
под названьем «Русский бунт»,
то бишь кто-то из князей
раскурочит мавзолей,
а кремлевские куранты
разберёт народ на кванты,
как нам в точности и лгал
Шефом избранный кагал.

14.

Родовая знать
извелась в бессилии —
как теперь узнать

гоя по фамилии:
скажем, Коломиец —
гой или ариец?

15.

Всё давно уже в полном говне,
но поётся по-прежнему всласть,
и, выходит, его эта власть,
как его навсегда Шаганэ, —
ну и, собственно, что из того,
если кончилось время его?

16.

Мир на две трети обнулив,
заходит парусник в залив,
чтоб на оставшуюся треть
благополучно умереть,
мечтая в старом добром стиле
в день знаменательный такой
о натурально полном штиле,
хотя и штиль ему на кой?

17.

В церкви я сказал иконам:
«Все равны перед законом,
хороши иль нет законы», —
и заплакали иконы.

18.

Со смертью каждого вождя
Россия воскресает,
и парится народ, следя,
как по полю, босая,
нисколько не боясь росы,
идёт-бредёт девица,
и нет в руках у ней косы,
и не остановиться...

19.

Проснуться утром чем попозже —
поближе к вечеру, возможно, —
не торопясь покинуть ложе,
играючи достать из ножен
меч, засветиться на дуэли
и умереть в своей постели
как добрый малый, вплоть до бала,
и снова выйти из пике —
кого б, скажи, не забодала
жизнь от народа вдалеке?

20.

Схожденье благодатного огня,
товарищи, не полная фигня,
но чудо, что является на бис,
а кто не верит, тот не коммунист!

21.

Пройдя процесс люстрации

задолго до ГУЛАГов,
отдельно взятой нации
пришлось призвать варягов.

22.

Его величество Народ
придумал спички, пьянки, World,
мышьяк, шнурки с ботинками
и Библию с картинками.

23.

Сейте разумное, доброе, вечное,
сейте безумное, злое, конечное,
с пользой сейте и сейте вотще
или, в натуре, не сейте вообще,
мантрой живя: «Же не манж па сис жур»,
только спасибо я вам не скажу,
если мне внутренний голос не врёт,
искренне ваш,
богоносец-народ.

Последний император

Назревает вопросец,
чист он или не чист:
был народ-богоносец,
стал народ-сатанист?

Как там ваше здоровьице
и живётся ли всласть?
Власть теряя, становится
богоносицей власть.

Свобода света

Обошлось не без базаров —
Белый свет исчез с радаров,
может, вследствие теракта,
может, двигателей сбой,
может, человеческий фактор,
но никак не сам собой,
что и есть свобода света,
хоть не каждый верит в это.

Преодоление

1.

Мы с тобой живые существа,
во дворе у нас шуршит листва,
и в связи с безделицей такой
на душе моей почти покой.

2.

Летит космическое тело—
ему до нас какое дело,
ведь если и загонит в гроб
ошибок методом и проб,
то, безусловно, не со зла,
хоть вероятность не спасла.

А если никакой не случай
его послал, то разве лучше,
ты спросишь, смыслы постигая?
Ты понимаешь, дорогая,
пускай фигня вся ваша йога,
но всё-таки не безнадёга.

3.

Ну не надо про мороз по коже,
тот, что пробирает до кости,—
красота себя спасти не может,
как же ей прикажешь мир спасти!

Но ишачит дворник на посту,
добрый он сегодня или злой,
и опять спасает красоту
граблями, лопатой, метлой.

4.

Зачем по части огорчений
жизнь выше наших сочинений,
или зачем, и правда, ты
прекраснее любой мечты,
а во дворе шуршит листва
уже вне рамок естества?

«Не то чтобы чёрт нам не страшен...»

Не то чтобы чёрт нам не страшен
и в радость дразнить шалуна, —
за детство счастливое наше
спасибо, родная Луна.
Ночное, и вправду, светило,
в дни мира, а паче суда,
пускай не всегда ты светила,
но всё-таки хоть иногда.
В бессмертие веря едва ли
и даже в мечтах не вольны,
мы пуще спасения ждали
холодного света Луны.

Цена вопроса

«Мир состоит из пластилина,
в чем главная причина сплина», —
учил философ Комаров,
пока душевно был здоров,
но будучи напуган сном
о квадратуре парадокса,
мыслитель двинулся умом
и от своих идей отрёкся.

Кто в истины попался сети,
тому плевать на всё на свете —
он званый гость в чертогах Бога,
смешны где происки врага,
но стоит сбрендить хоть немного,
как жизнь обратно дорога.

«А ведь в самом деле было ж...»

А ведь в самом деле было ж:
Ферлингетти, Чеслав Милош,
Эзра Паунд, Элиот —
мать его, культурный код
джентльменского набора,
близкий сердцу матерьял, —
кто на это клал с прибором
тоже что-то потерял.

Знание

Мяучит кот, шипит змея,
пищит комар, и знаю я,
что на своём ковчеге Ной
не наслаждался тишиной.

Псалом

Заряжаю монолог,
просвещаю, как фонарь:
царь, конечно же, не Бог,
ну а Бог, конечно, царь —
абсолютнейший монарх,
сотворивший этот прах
и стоящий над душой,
как большой.

И когда Он шлёт поклон,
пешим ходом или вплавь,
сразу пропадает сон
и, в известном смысле, явь.

«День и ночь на каждом сайте...»

День и ночь на каждом сайте
от всего меня спасайте,
в каждой что ни есть стране
вспоминайте обо мне
дома и среди дорог,
в стае и покинув строй,
потому что, видит Бог,
я не царь и не герой.

Издержки

Ну что сказать: пришла весна,
и вот опять пуста казна,
хотя душа полна любви,
как ты на дуру ни дави.

Песчинка

Если мир устроен зряче,
то хотел бы я понять,
от кого и кто нас прячет
день за днем, за пядью пядь?

Что устроит личность эта,
если на своем пути
срока до конца и света
не сумеет нас найти?

И не знают зверь и птица,
ни мудрец, ни идиот,
что же, собственно, случится,
если всё-таки найдет.

Но терять не стоит духа,
если есть на свете кров,
упакованный так глухо
в бесконечности миров.

Завсегдатаи

У моря или у реки
за столиком сидели
и ждали смерти старики —
уже на самом деле.

Когда-то дерзкие мужи,
они, устав стареть,
как то, что надо заслужить,
приваживали смерть.

Одежд их воскрешал покрой
эпоху индпошива,
и смерть, пленяясь их игрой,
за ними не спешила.

Мейнстрим на закате

Блюдя таинственные узы,
порой будя во мне альфонса,
не раз ко мне являлись музы,
и хоть бы раз явился спонсор
или хотя бы меценат,
чему свидетелем Сенат,
который знает всё о каждом
таком и не таком уж важном,
всю жизнь считающем ворон
среди патронов и матрон, —

ну да, они себе Мистрали
нарисовав в обмен на Крым,
Европу грешную просрали,
в чём, собственно, и весь мейнстрим,
и спросит варварское рыло:
«А что, Сенат, будь трижды здрав,
при цезарях иначе было?» —
и варвар снова будет прав,
а через месяц в личном блоге
напишет первые эклоги.

«Куда-то благодать делась...»

Куда-то благодать делась,
Закон уже не свят,
не знаешь, что, бля, делать,
и кто, нах, виноват.

Элегия

Проходят, прямо скажем, годы,
а вечер всё такой же томный:
свобода лучше несвободы,
и экономика должна быть экономной,

решают всё, конечно, кадры,
стоит на тумбочке дневальный,
летят скворцы, стенают барды,
«Крымнаш», как говорит Навальный.

Клеветникам интима

Если, скажем, в час досуга
мужики ...бют друг друга,
то в числе других забот
это Родину ...бёт.

Впрочем, если спозаранку
гражданин ...бёт гражданку,
то и это, что логично,
Родине не безразлично.

Так что дело не во вкусе,
и кого мы ни хотим,
Родина должна быть в курсе,
и не надо про интим.

Этногенезия

И шведы не шведы,
и турки не турки,
откуда все беды,
провалы и жмурки.

Китайцы и немцы,
тувинцы, испанцы,
мордва и чеченцы,
ну все – самозванцы.

Любой нувориш —
суть дитя лотереи,
а ты говоришь,
кто такие евреи?

На чистой воде

На чистой воде хорошо как нигде,
и ангелы нас не оставят в беде,
а как пропадём, например, под дождём,
не стоит печалиться – способ найдём
когда-нибудь завтра, а может быть, днесь,
как способ нашли обозначиться здесь,
где звёзд во вселенной не счесть, старина —
зачем нам, приятель, другая страна,
как будто и впрямь не хватает планет —
ты помнишь, товарищ? И я уже нет.

G-tt, Жуков и Никифор

«Что может быть скучнее цифр?» —
спросил у Жукова Никифор,
не зная сам, зачем спросил.
«Кому-то не хватает букв», —
Никифору ответил Жуков
из, к счастью, не последних сил.

Неважно день ли, два ли, три ли,
так вот они и говорили —
не ради славы, прав и льгот,
но ведь и в самом деле клёво
то, что в начале было слово,
и это слово было G-tt.

Реквием

Я лиру посвятил народу своему,
причём на языке, неведомом ему,—

проносятся года, но мне не смотрит в рот,
ловя мои слова, Израиля народ.

Могучий Иордан припал к моей руке—
тут даже не послать на русском языке,

а если и пошлѐшь, то кто тебя поймѐт,
опричь таких, как ты, и свой стяжая мед,

спускается с горы израильский спецназ,
прощаются миры с Землею Ашкеназ.

«Пуškai в любви ты умираешь...»

Пуškai в любви ты умираешь,
но что бессмертие мне – рай лишь,
где райские, допустим, птицы,
как их пером ни опиши,
ждут не дождутся инвестиций
от, в том числе, моей души?

«Пришла пора мне вспомнить детство...»

Пришла пора мне вспомнить детство —
Вражды, и дружбы, и соседства,
останки кирхи, Ланжерон,
Горсад и шоу похорон,
когда, эпически степенно,
под марш стоический Шопена
являла смерть свое бесстыдство, —
но побеждало любопытство.

Земля и небо

1.

Слаб Господь, зато сполна
Церковь Божия сильна,
и веками невдомёк,
кто же так устроить мог,
что её не побороть,
если правда слаб Господь.

2.

Когда порежут на ремни
тебя в подвале понемногу,
ты это как-нибудь замни,
не дай порадоваться Богу,
скажи: «Где Бог, а где подвал»,
пусть думает, что сплеховал.

3.

Как ни суди да ряди Асмодей,
не одинаковы шкуры —
гвозди бы делать из этих людей,
а вот из тех – абажуры,
мыло ещё, из кого-то браслет
можно – душа ведь живая,
в общем, как точно заметил поэт,
лишних людей не бывает.

4.

В Третьем отделении
служило Приведение,
а Предопределение —
в Девятом управлении,
и не в порядке мистики
и точно не в астрале
в простом спецхране листики
они перебирали
и обобщали выводы,
ведя свои тетради,
не ради личной выгоды,
а может быть – и ради.

5.

«Неужели Рюрики
не ценили брюлики?» —
я спрошу из ревности
к нашей современности.

6.

Стоит рабочий у станка
и думу пробует на вес,
а твердь земная так тонка,
что ей не удержать небес, —

что за станок, что за века,
что за рабочий у станка?

Римский мир

Зрелищ и куриного бульона
требовала пятая колонна,
но и чистый помыслами плебс
строго вопрошал: «А как же хлеб-с?».
Эти древнеримские скандалы
обожали гунны и вандалы,
а иные ночью у костра
слушали апостола Петра,
гнавшего на старый добрый Рим,
да еще Нерон кричал: «Горим!».

Вовочкиада

(детишкам нашим что-то вроде
стишков не только о Володе)

1.

Для девчонок и мальчишек
вождь в годах нуднее книжек,
нужен лидер-октябрёнок
для мальчишек и девчонок:
Who is Vova от и до,
и зачем ему дзюдо?

2.

Тут есть место для догадок,
выражаясь осторожно,
что пострел не так уж гадок,
как себе представить можно,
и отнюдь не меньше нас
обожает нефть и газ,
Бог весть кем мечтая стать, —
ну какой же это тать?

3.

Ты, дружок, себя возьми —
кто царем, а кто генсеком —

люди стать хотят людьми,
как тут будешь человеком?

4.

В общем, в пику конкурентам
лет, возможно, через сто
станет Вова президентом,
хоть покуда он никто —
как такое может быть?
Не пойму – теряю нить.

5.

Впрочем, присказка не блеф,
даже, кажется, не миф:
на кону сама РФ
в свете мрачных перспектив,
тянущих на Страшный суд,
а суду не до красот,
но страну опять спасут —
догадайся, кто спасёт.

6.

Так ли, нет – не знаю, дети,
но по всем честным домам
есть кому о нас радеги,
кроме наших пап и мам:
а иначе как народ
жив – с чего ему так прёт?

7.

Таковы судьбы ступеньки:
Вову в центре и в глуши
люди любят не за деньги,
но, пожалуй, от души,
потому как люди наши
чуждых нам морально краше.

8.

Нет ЦК КПСС,
кануло Полибюро,
но нельзя любви без
на земле творить добро:
изначально о Володе
миф не может быть не в моде,
с чем я спорить не берусь —
кто крестил когда-то Русь,
кто ей дал табак и ливер,
скажешь, Пётр? Нет – Владимир!

9.

Этот миф, как в поле мина,
как в ночи тот самый тать —
тут бессильна медицина,
можно даже не мечтать,
и в пределах окоёма
против Вовы нет приёма
даже в области дзюдо,
и, рябой или картавый,

ВОЖДЬ В СТРАНЕ КАК НОТА «ДО»,
ВСЕ РАВНО КАКОЙ ОКТАВЫ.

«От истин не коси и...»

От истин не коси и
узнаешь в свете Вед:
история России—
история побед—

идет бычок, качается,
но так уж получается.

Падение небес

Снова ангел словно спятил —
ты прислушайся, приятель,
и не слишком строго хоть
усмирить попробуй плоть
и душою содрогнись,
ведь и впрямь свалилась высь.

И не зря же, хай нам грец,
так старается Творец
сделать каждому из нас
когнитивный диссонанс,
не щадя небес и почв, —
значит, хочет нам помочь.

Ты ли, встав с любой ноги,
не канючил: «Помоги?..»

Узелок

Ну и что же, что узлом
связаны добро со злом?
С детства волю тренируй:
не убий и не воруй,
чти отца и мать семейства,
слишком не прелюбодействуй,
не твори себе кумира,
не желай врагу вреда
и умри однажды с миром,
раз так надо, и тогда,
что сказать? Фетиш не фетиш,
может, правда, счастье встретишь.

«А вот и Киев-мать...»

А вот и Киев-мать,
что мудрено понять,
где мечен Бабий Яр
для киевских бояр.

«Ты смотришь через не могу...»

Ты смотришь через не могу,
не подавая вида,
на город, что исчез в снегу,
как в море Атлантида,
и знаешь то, что знает каждый,
хоть франкмасон, хоть печенег, —
и море высохнет однажды,
и, может быть, растает снег.

«Чем в ужасе решать задачи...»

Чем в ужасе решать задачи
во имя собственной удачи,
не лучше ли с утра в шезлонге
сидеть и думать о Кинг-Конге,
Джюльетте, Гамлете, Гавроше—
короче, только о хорошем?

И если не в облом бороться
за веру, родину и трон,
то можно и о «Черноморце»
поразмышлять, ловя ворон.

От Парменида Элейского

Кому-то враг Меркуцио,
кому-то друг Горацио,
тут, предположим, Турция,
а там, допустим, Франция,
те, скажем, типа ленинцы,
а эти чисто разинцы,
кто трудится, кто ленится,
но в общем нету разницы.

«Дней святых угодники...»

Дней святых угодники
и традиций вестники—
Ленин на субботнике,
Троцкий на воскреснике.

«Не знаю, мир наш безупречно...»

Не знаю, мир наш безупречно
устроен или не вполне,
но говорят, что Я не вечно,
а только временно во мне,
чем каждый, якобы, и дорог, —
такой вот в личном плане морок, —
не убоись, душа моя,
ты мне и я тебе не враг,
и пусть кто хочет – сушит порох,
ничто не вечно, кроме Я.

«Подумаешь, желток-белок...»

...И приветствую звоном щита!
Александр Блок

Подумаешь, желток-белок,
но пуле-дуре не чета,
и прав был Александр Блок
в том, что не стоит без щита
в жизнь приходить, хотя б на срок,
ни для восторженных оваций,
ни страхов ради, ни дорог,
ни просто так потусоваться.

«А чего мне глядеть вперёд...»

А чего мне глядеть вперёд,
вычисляя, за что бороться, —
инородцы и есть народ,
а начальники – инородцы.

Было так и пребудет впредь,
и хоть вывернись наизнанку,
продолжается круговерть,
кто бы там ни крутил шарманку.

«Известный творец неизвестных поэм...»

Известный творец неизвестных поэм,
не хвастая, любит рассказывать всем,
что в гости приходит к нему во дворец
известных поэм неизвестный творец
во всей своей, падла, сермяжной красе,
чему сопричастны практически все.

«Бывают засухи и ливни...»

Бывают засухи и ливни,
и если Библия не врёт,
народа нет жестоковейней,
чем Богом избранный народ.

Forever вот тебе and ever
в краю свиданий и разлук,
где с юга Нил течёт на север,
а Волга – с севера на юг.

Вечер с nostalgie

Я застрял бы лучше в лифте,
чем, допустим, жил в Египте,
но и там ведь есть народ,
если радио не врёт.

Просто лезет вон из кожи
тот народ и день и ночь,
так меня терпеть не может —
чем же мне ему помочь?

А в России, а в России
на руках меня носили,
вспомнишь – прямо Страшный суд:
и не хочешь, а несут.

Встречи

1.

Со встречи с кесарем раввины
навстречу Богу шли с повинной,
как будто это их вина,
что жизнь по-прежнему одна,
хоть и невесть какая цаца,
и с ней приходится считаться,
что если возжелает кесарь
явить такую благодать,
то, значит, будет, как профессор,
раввинам лекции читать,
и чашу ту испьют раввины
до дна, а не до половины.

Прости, Господь, мои мне речи,
которые внушает плоть,
но киснуть с кесарем на встрече
не дай бог и Тебе, Господь.

2.

На встрече барина с холопами
холопы лопали и хлопали
и выражали умиление,
причём вперёд на поколение,

а гость собрания из Ливии
отметил, закрывая прения,
что не было житья счастливее,
естественно, со дня творения.

О старых и новых истинах

Никто не вечен под Луной,
ни сам Адам, ни даже Ной,
и зря иллюзий ты не строй:
на Марс отправится герой
и там, на Марсе, скажет: «Ой,
никто не вечен над Луной».

Что к этому добавить мне?
Никто не вечен на Луне.

«Пускай и впрямь отважный лыжник...»

Пускай и впрямь отважный лыжник,
когда в него попал булыжник,
буквально не повёл и бровью,
но знает каждый эрудит:
спорт иногда вредит здоровью,
а может быть, всегда вредит.

«Оглядись: повсюду храмы...»

Оглядись: повсюду храмы,
как партийные программы,
космос стелется плащом—
от молитвы и до мата,
что ни слово, то цитата—
ну чего тебе ещё?

В этой, так сказать, юдоли
для души парад раздолий:
до ближайшей до звезды
минимум сто лет полёта,
да ещё через болота,
вероятно, без еды.

Крыть и впрямь, выходит, нечем:
полный кайф мне обеспечен,
сам собой налажен быт,
добродетелей носитель,—
умирая, свет гасите
и не забывайте стыд!

Живопись и графика

Да какой там гексоген—
воды Стикса на дворе:
до свидания, Гоген,
здравствуйте, Гюстав Доре!

Машина

Туда, где выстрелы в затылки,
шли с воли, Господи, посылки,
и словно ей необходимо,
почти не ошибалась почта,
что логики не так уж мимо,
хотя рехнуться можно точно.

«Тот свет, конечно, есть...»

Тот свет, конечно, есть,
и что занятно, кореш,
чем долее мы здесь,
тем реже с этим споришь.

На фарт белить рядом —
наш эксклюзивный метод,
как будто всё одно,
какой из светов этот.

«Россия – сфинкс? Какой там хрен...»

Россия – сфинкс? Какой там хрен —
она всего лишь Карфаген
от Колымы до Сталинграда,
но это из другого ряда.

Такой вот микс,
как страшный сон:
Россия – сфинкс,
Майдан – Сион,
чем знак нам всем особый дан,
хотя какой Сион Майдан.

Роман на льду

Первый бал Наташи,
засветиться дабы, —
на балу все наши
мужики да бабы,

образ благодати
воплощает прима,
и рукой подати
чуть ли не до Крыма.

«С начала дней мир слышит эту арию...»

С начала дней мир слышит эту арию
и до последних дней, держу пари, —
всё развивается по худшему сценарию,
который лучший, что ни говори.

И очень может быть, раз так ей дадено,
не только ради Божьего словца
свергается с небес на землю гадина
и мёртвых воскрешает на живца.

Иудейские зимы

От Кирыят-Моцкина до Лода
без перерывов на обед
зимы ждала, ждала природа,
снег выпал через десять лет.

«Когда бразильцам надоест футбол...»

Когда бразильцам надоест футбол,
тогда к евреям явится Мессия,
окажется ненужным валидол,
а вместе с ним и вся анестезия,
и ты увидишь, что никто не умер,
и наконец не пашет даже вол —
ну а какой ещё возможен юмор,
когда бразильцам надоест футбол?

«Публика – дура, а паства – тем более...»

Публика – дура, а паства – тем более,
только толпа и умна,
всюду родные поля в меланхолии,
пусто в овине гумна.

Вот надвигается туча дебелая,
тот ещё будет оргазм —
что ж это матушка-нефть понаделала,
батюшка-сланцевый газ!

Братья и сёстры

1.

Пускай забвения трава
ни в чём ни разу не права,
но – милосердную сестру —
я жизнь из памяти сотру
от первых до последних дней,
да и куда мне дальше с ней?

2.

Мне Ватикан в затиброречье
являл свое сверхчеловечье,
а человечье – раза два —
замоскворечная Москва
на перепутьях мне являла,
и тоже не казалось мало.

3.

...а кто ты, собственно, и чей,
тебя усаживая в кеб,
однажды скажут Стокс и Чейн,
а ты считал Борис и Глеб
в шелках и в праведной крови?
ОК, как их ни назови.

4.

Ну вот и встретились, сестрица,
и всюду смерть, как говорится,
во всей своей красе, кажись,
и если так, то чем не жисть,
в которой я подчас банкую?
Видали мы и не такую!

«В международных отношениях...»

В международных отношениях,
смысл коих дьявольски глубок,
кровь не нуждается в отмщениях, —
неужто впрямь так мыслит Бог?

Анальгетика

Вряд ли туберкулез
веселее невроза,
и до слёз не до слёз,
чем и держится проза,

и уже не вопрос,
если сел на колеса,
есть на Волге утёс,
нет на Волге утёса.

«Гуманизма дефицит...»

Гуманизма дефицит —
это явный перекося:
геноцид за геноцид,
Холокост за Холокост,
никакой пощады оку,
зуб тем паче в порошок,
и ещё подставить щёку,
чтоб совсем уж хорошо.

«Как не сказал Кокто...»

Как не сказал Кокто,
а может быть, Прево:
Кто виноват? Никто.
Что делать? Ничего.

«**Подавись хоть молочая...**»

Подавись хоть молочая
вечно млечным соком —
зуб за зуб не отвечает,
а за око – око.

И, конечно же, в пиаре
с правдой или ложью
места хватит каждой твари,
даже твари Божьей.

Правда про конвой

В любые дни, включая дни рождения,
конвой стреляет без предупреждения,
но и конвой не ведает всего
про Господа и воинство Его.

Экскурс

Были и другие прецеденты,
так что всё с традициями чисто —
то, за что боролись диссиденты,
лучше всех используют чекисты.

Никогда не сломит их усталость,
будет каждый в образе и в деле —
помнишь, как язычникам досталось
то, за что боролись иудеи?

Приглашение

В мир Божий овцам и волкам
добро пожаловать, welcome, —
здесь, как внушают нам эксперты,
ко всем делам – и волки смертны.

«Филофобу фобофил...»

Филофобу фобофил
органически немил,
и противен, как микроб,
фобофилу филофоб,

в чём, скажу публично вам,
ничего нет личного.

«Над мостовой почти неприкасаемо...»

Над мостовой почти неприкасаемо
троллейбусные висли провода—
нет, я не знал рабочего Исаева,
но я его запомнил навсегда.

Мне думалось: «Ужалила б оса его,
Вознёс бы до небес девятый вал»,—
я невлюбил рабочего Исаева
и за него не проголосовал.

«От Рождества до Воскресенья...»

От Рождества до Воскресенья
надежды нету на спасенье:
кому на крест, кому под нож,
что, к сожалению, не ложь,
хотя и есть альтернативы —
убьёт любая ерунда,
неужто лишь для перспективы
жить после смерти, господя?

Астрофизика

Что у мира за душой,
знает только Взрыв Большой
в час Большого Перерыва
до опять Большого Взрыва.

«Эпоха войн и революций...»

Эпоха войн и революций —
как много у народа функций:
страну кормить, детей плодить,
врагов природы рвать на части
и бесов к власти приводить,
когда осточертели власти.

Генсек

1.

Я мальчик Джугашвили,
я не живу на вилле
в Лос-Анджелесе, sorry, —
живу в местечке Гори
в обиде да в испуге
практически в лачуге,
где вечно пьяный папа,
в себе открыв сатрапа,
чудит средь бела дня —
что выйдет из меня?

2.

Зачем в родном жилище
читаю «Принц и нищий»
уже в который раз, —
бессмысленный соблазн,
основанный на вздоре —
где Лондон, а где Гори,
а на душе – клопы, —
податься ли в попы
во имя лучшей доли,
или в марксисты, что ли,
хоть Маркс не Саваоф,
зато и выбор нов —

да так ли нов, однако?
Жду мудрости и знака.

3.

Так закалялась сталь,
прошу простить за юность,
а прошлого не жаль,
куда с ним на фиг сунуть?

Послание Пилата

Солдаты Рима, что есть мочи
зачем идёте вы под нож, —
в сортире Бога не замочишь
и хрен вообще Его распнёшь!

Евреи, год уже который
подряд не пью на Песах квас, —
что Рим теперь без вашей Торы,
хоть с вами, хоть вообще без вас?

ЯВЬ

Неужто, Матерь Божия,
вбираю духу свежего
в краю, где Цезарь Борджиа
и впрямь учил сольфеджио?

Мариус, жираф датский

А что в нём было? Только вес да рост
и если правда дух, то не титана, —
жирафа не положат на помост,
как воина, четыре капитана,
и не изобразит событий сих
Шекспир в укор и назиданье близким,
и разве только будет сложен стих
на смерть жирафа неким Межурицким,
который людям выписал бы штраф,
будь он Господь, сгноил бы их в кутузке —
короче говоря, прости, жираф,
хотя, конечно, ты жираф не русский.

Миф и завет

Убив своих детей, Медея
Ясона назвала злодеем,
и с ней почти что в унисон
ослиной челюстью Самсон,
похожий соблюдая принцип,
мочил без счета палестинцев.

Такие нам дают уроки —
а ведь не скажешь, что придурки —
древнееврейские пророки
и греческие драматурги.

Опция

Всё на свете так красиво,
словно набрано курсивом,
словно с нами Бог в трамвае,
словно не про нас конь блед,
а иначе не бывает,
и у каждого билет
до скончанья зим и лет —
да, у каждого билет.

Плюс ещё зима и лето
для того, кто без билета.

«Во глубине сибирских руд...»

Во глубине сибирских руд
не пьют и взяток не берут,
и не вступают в Гистадрут
во глубине сибирских руд —

короче, есть на свете, мля,
обетованная земля.

«Как по милости монаршей...»

Как по милости монаршей
ни разматывай клубок,
были, есть и будут наши
палестины, видит Бог,
потому что хитрость в том вся,
что единственным путем
мы ещё сюда вернемся,
да и разве мы уйдём?

«Была бы хоть какая крутизна, и...»

Была бы хоть какая крутизна, и
если пропадёшь, то не за грош, —
не важно, кто и как меня тут знает,
чем этот город, собственно, хорош.

И есть им или не за что бороться,
кварталы не расходятся по шву, —
здесь не сдают квартиры инородцам,
но с этим делом как-то я живу.

Пришествия

А зима уже поднадоела,
и душа стенает: хватит мела,
будет ошиваться на мели—
пусть весна придёт из-под земли,
ведь со времён Эреба,
кого ты ни моли,
зима приходит с неба,
весна – из-под земли.

Вторая заповедь

Не только ради мнений клира,
как бы тот ни был пресловут,
не сотвори себе кумира —
кумиры долго не живут,
идут со временем не в ногу,
и каждый сам себе прево, —
пусть поживет ещё немного,
не сотвори себе его.

«Замочить чтоб гения...»

Замочить чтоб гения,
Хватит и мгновения,
кто бы ни советовал
обойтись без этого.

Топонимы

Что история!– вот она ей цена,
как положено на Руси, —
из двух зол выбирают Ельцина,
а от большего – упаси!

И пусть всё в одну кучу свалено,
но хоть лопни святая рать,
в Петербурге на улице Сталина
я уже не хочу умирать.

Светлой памяти друг Горацио,
тошно видеть вещей испод, —
и да здравствует иммиграция,
по-библейски сказать – Исход!

«Смерти личинка...»

Смерти личинка —
что ей беречь нас, —
небо с овчинку,
миг хоть на вечность,
с чем спорит Классик
высшего чина —
вечность на часик,
с небо овчина.

«Бандиты есть бандиты...»

Бандиты есть бандиты,
но сам я не бандит,
и хоть куда иди ты,
а власть опередит.

Не парься, недотрога,
и всласть испей до дна, —
нет Бога кроме Бога,
на что и сатана.

Три ада

1.

Главное, строго блюсти очередность,
и обратятся реальностью сны —
славие, жавие и народность
плюс трификация всей страны.

2.

Пусть иногда пропадает награда
или порой на душе ар-нуво,
что бы там ни было, с нами три ада
вплоть, разумеется, до одного.

С первой и до последней цифры, пожалуйста

1.

Не знаю, что за идиотство,
но я попал на производство,
стоял рабочим у станка,
клепал какие-то детали, —
меня из жизни вычитали
на все ближайшие века.

2.

Шёл верблюжий караван
то ли в город Ереван,
то ли в город Севастополь,
тут с небес раздался вопль
или Божий глас всего лишь:
«Савл, Савл, что ты гонишь?» —
и не спрашивай, приятель,
как при этом Савл не спятил.

3.

Даже вышибая клинья клиньями,
иногда к себе бывайте строже:
не мечите бисер перед свиньями,
на куй их не посылайте тоже.

4.

Реакция свиньи на бисер,
согласно мнению пророка —
очередной свинячий высер,
с которым та ещё морока,
иначе бы зачем пророк
свиной от бисера берёт?

5.

Я председатель сельсовета,
все сжить хотят меня со света,
достали что твои клопы —
зачем я не пошёл в попы,
страдать иного ради страха?
Тяжка ты, шапка Мономаха.

6.

На Пасху и на Рождество
цветёт и пахнет воровство,
силён порок, в порядке блуд,
и в небе ангелы поют.

7.

Мой дядя самых честных правил,
когда не в шутку занемог,
уехал навсегда в Израиль
и лучше выдумать не мог...

8.

Фрукты, овощи, веники,
мы живём в муравейнике,
а во вне светит солнышко
до последнего зёрнышка,
да и жизнь не голодная,
кто сказал: «Мама родная?».

9.

Со словами "I love you"
Бог стучится в дверь твою —
не пужайся, голубок,
хорошо ещё, что Бог!

10.

А гибель, знамо, придёт и так,
и кто бы ни был твой зодиак —
Селедка в шубе или Стрелец —
кого Бог любит, тот не жилец
ни в прошлой жизни, ни в оной впредь:
вступить в колхоз бы и умереть
среди молочаев и чайных роз,
но кто же примет меня в колхоз?

11.

Как там Цезарь поживает, стал ли строже,
пребывая, может статья, в брэнном теле,
что с годами не становится моложе,
как ни странно – ведь он бог и в самом деле

там у вас, а тут у нас, пожалуй, полночь,
но зато и про Сенат не вспоминаем,
даже в частной жизни, Постум Соломоныч,
Рим не вечен, что и радует: ле хаим!

12.

Не только властимущим светит плаха,
не только по их головы елей, —
пусть не свистят про шапку Мономаха,
жить без неё намного тяжелей.

Статусы

Средь земных и прочих пертурбаций
сей куплет, как Ариадны нить, —
партия не может ошибаться,
но её возможно распустить,

а зимой нахально зреют вишни,
и смущает граждан шапито, —
это ошибается Всевышний
сколько хочет раз – Ему-то что!

Permanent

Увы и ах, не поц ковал —
такая вышла палица,
убили даже Троцкого,
всё только начинается,
и кто б опять ни выдал спич,
что, мол, пора мортирою, —
не плачьте, Лев Давидович,
вас реабилитируют,
не обольщая видами
на богоравный маятник,
и не запишут в идолы,
зато не скинут памятник.

Из книги княжений

1.

Братва, так дальше жить низя:
племяш у дяди на заточке —
возьмёмся за руки, князья,
чтоб не пропасть поодиночке.

2.

От дней начальных Родины
чудны дела Володиной,
что Первого, что этого,
что в церкви не отпетого.

3.

—Услышь, о Глеб, слова Бориса:
ложь не бывает бескорыстна,
но правда – это тоже хлеб!
—Что да то да,— ответил Глеб.

Родословная

Я родился в империи зла
на углу Колчака и Петлюры,
у роддома кудахтали куры
и корова пастушку пасла —
разве это империя зла?

Ну а может быть, то был не я —
зло, ты знаешь, и вправду коварно —
инвестиции в комплекс аграрный
добивали родные края —
или это был всё-таки я?

А куда меня жизнь занесла —
это, видишь ли, вовсе причуда —
если правда империя зла
есть на свете, то весь я оттуда —
до последнего в плоти ребра —
и не чаю добра от добра.

Поздняя весна

Расцветёт шелковица —
сердце остановится
на лету у беркута,
словно дальше некуда.

Дом

Порвав порочную петлю —
как притча ни стара —
я дом-музей себе куплю,
по-моему, пора.

Мной проникайся без затей,
веков глотая смог, —
вот здесь я принимал гостей,
там что-то ещё мог,
порой взмывая, как орёл,
а вот и смертный одр,
где я бессмертие обрёл,
удачлив, свеж и бодр.

«Идут часы, бежит река...»

Идут часы, бежит река,
я превращаюсь в старика
и узнаю на все лады,
зачем не умер молодым,
почто себя пришлось беречь,
о чём и речь, о чём и речь.

Вечный город

Рим, Рим, конечно, Рим,
и в недрах наших хижин,
о чём мы говорим —
какие там парижи!

Здесь всех на свете драм
число неисчислимо,
и только Третий Храм
лишь для Ерусалима.

«Сдуру горная гряда...»

Сдуру горная гряда
обратится в крошево —
православная Орда,
что тут нехорошего?

Будут муку принимать
молодые ратники,
отвали с дороги, мать,
не грузи про ватники.

Трапеза

Итак, мы жарим шашлыки,
у нас уже растут клыки,
и что ничуть не хуже,
крепчают наши души.

Итак, пока что я едок,
мы не на пепелище,
и с нами радуется Бог,
благословляя пищи,

как будто с Ним у нас роман,
а так, вообще, я не гурман.

«На светлый праздник Рождества...»

На светлый праздник Рождества
шумит в Израиле листва,
и расширяется сознание
на светлый праздник Обрезанья.

«Если баба влюблена...»

Если баба влюблена,
с неба падает Луна,
а когда мужик влюблён,
в небе Марс без панталон.

Мне любви знакомы муки —
без неё кранты и с ней —
и не может быть науки
астрологии верней.

«Шестикрылый серафим...»

Шестикрылый серафим,
шестирукий Шива —
нелегко, должно быть, им,
но и всем паршиво,

а с одной лишь парой рук,
разве попадёшь в их круг —
или фибрами души
мы для них нехороши?

Генезис

Ночью сердце прихватило,
но чего-то не хватило
для финального свистка —
в общем, жив ещё пока,

и дела идут не кисло —
безусловно, в радость ром —
ну а что до жизни смысла,
то меня зовут Петром.

«Если в доме караоке...»

Если в доме караоке,
вы уже не одиноки,
как в гнезде застывший ёж —
помолился и поёшь

«Какова бы ни была стезя...»

Какова бы ни была стезя,
место смерти изменить нельзя,
но зато – какая благодать —
место жизни можно поменять —
баш на баш и даже твердь на твердь,
что в конечном счёте тоже смерть.

Мужчины и женщины

Славный полк Преображенский,
заберись хоть под кровать —
батальон остался женский
за свободу воевать,

и за праведные книжки,
и за жизнь без адских смут,
но матросики-братишки
Зимний все-таки возьмут,

Кремль возьмут и даже МХАТ —
вот и весь матриархат.

«Эластичен нравственности остов...»

Эластичен нравственности остов,
но что у семитов, что арийцев
не бывает, друг, не будь я Постум,
чтоб ворюга был не кровопийцей.

Впрочем, засиделся на земле я,
но и на луну ночами вою —
кто ты, говоришь, тебе милее?
С сердцем как, с ногами, с головою?

Антиисход

Когда погибнет всё живое —
а всё живое не погибнет, —
поникнув гордой головою,
свалю я именно в Египет.

Пускай там редко видят солнце,
пусть там сплошная глушь лесная,
пусть он хоть Марсом назовётся,
я всё равно его узнаю.

И кто б ни баловал нас – боты,
а может быть, и впрямь – планиды, —
я не останусь без работы,
но буду строить пирамиды.

И душу скорбью мировую
в потехи час утешит Моцарт,
когда погибнет всё живое,
а жить, однако же, придётся.

«Что смертным ухабы...»

Что смертным ухабы —
конец предрешён —
воскреснуть хотя бы,
и то хорошо.

Относительность

Мир таков, каков мне дан,
но и сам я данник —
разумеется, Майдан
лучше, чем Майданек.

Что ж не спросишь: почему?
Тоже правда. Как кому.

«В итоге или, прямо скажем – в сумме...»

В итоге или, прямо скажем – в сумме
реальный наблюдается астрал, —
от старости ещё никто не умер,
от молодости кто не умирал,

поэтому согласно теореме
о пользе в топкой местности следи,
прохожий, не теряй напрасно время,
почти меня и сразу же беги!

Иосиф и лев

Иосиф Сталин русский занял трон,
а Троцкого судил Синедрион,
Льва удостоив участи барана,
что, между прочим, правда, как ни странно

«Хоть я не верю в антибога...»

Хоть я не верю в антибога,
его в природе слишком много,
что ей, однако, не во вред —
она сама его портрет,
на коем лирик и романтик,
и в этом фишка, винтик, фантик —
не чисто зверь с его числом,
но типа юноша с веслом.

«Жизнь – это театр...»

Жизнь – это театр,
в нём ангелы – суфлёры,
и я всё чаще слышу Голоса
с тех пор, как начал тексты забывать.

«Ценят по-разному...»

Ценят по-разному
жизнь эту бисову
братья по разуму,
сёстры по вызову

Письма лишнего человека

Письмо Онегина к Татьяне
лет на пятнадцать точно тянет,
хотя виновный и не вор, —
я не приветствую суд Линча,
но тот, кто помнит эту притчу,
оставит в силе приговор.

Смешна Онегина беспечность —
пятнадцать лет ещё не вечность —
греши, да дело разумей,
а что до нашей бедной Тани,
то к девичьей, простите, тайне
причастны только Бог и змей.

«Будешь ли достаточно ретив...»

Будешь ли достаточно ретив,
явишь или нет крутую прыть —
жизнь прожить не поле перейти,
даже и не море переплыть,
но, представь себе, словить свой кайф,
как ни назови его – хоть life.

Русская земля

Марс – это русская земля,
Венера – русская земля,
и Солнце – русская земля,
и звёзды – русская земля,
и, разумеется, Земля —
исконно русская земля,
и лишь Израиля земля
не только русская земля,
но палестинская земля,
увы, Израиля земля,
и этой не избыть беды,
пока на свете есть жида,
а так Израиля земля,
конечно, русская земля.

«Поскольку всё устроено хитро...»

Поскольку всё устроено хитро,
чтоб не свихнуться, отбивая ссылку,
откупори «Женитьбу Фигаро»
и перечти шампанского бутылку.

«Город без наркотиков...»

Город без наркотиков,
Бога и царя
взялся, словно готика,
не от фонаря.

В чёте или в нечете,
лучшие врачи,
всех не перелечите,
сколько ни лечи!

Передышка

Нельзя заикнуться на каре,
что лечит раны, словно йод —
играет Гитлер на гитаре,
и Геббельс песенки поёт.

Не знаю, Кто сидит на пульте —
с хвостом он или без хвоста —
но мирно дети смотрят мультик
про Вознесение Христа.

Старое время

Наш районный ку-клукс-клан
организовал перформанс
для окрестных поселян,
но обком нажал на тормоз.

Секретарь обкома – туз,
для него народ что клёцки,
а для нас Высоцкий, ТЮЗ
и для самых умных – Бродский.

Континент

1.

Не отступай, входя в зверинец,
и в рамках праведных идей
как чисто истинный ариец
монголом жги сердца людей!

2.

Иудейские пляски, половецкие пасхи,
в свете вечности ласки —
самый полный вперёд!
Это русские сказки —
что ты вылупил глазки? —
Богоносец «Потёмкин»,
броненосец-народ...

3.

То не пропасть, то не бездна
в закидонах эпопеи,
а всего лишь город Дрезден,
в крайнем случае – Помпеи,

но всегда в здоровом духе,
что развеется как дым,
старый добрый вечный Мюнхен,
ставший всем таким родным —

не лечебный, не курорт,
чем он за душу берёт?

Немыслимое чудо

Сумев достичь нирваны, Будда
явил немыслимое чудо,
ведь пробуждаясь духом в вере,
он даже не спросил о том,
а существуют ли евреи —
не то что Магомет с Христом.

Для души

Мне филолога диплом
превратил всю жизнь в облом —
где, скажи, в какой стране
власть нуждается во мне,
или где, прости за флуд,
ждёт меня обычный люд:
программист, сантехник, жнец?
Прав был, видимо, отец —
на специальность, да не ту
я учился в ПТУ
не за страх, а для души —
вот пропало и пиши.

Конец истории

Татаро-монгольского ига
не существовало и мига,
но было то вплоть до ГУЛАГа
татаро-монгольское благо,
по мнению Льва Гумилёва,
и больше, пожалуй – ни слова.

О социальных лифтах

Может быть, с пользой молитву прочёл,
может быть, выучен лешим,
но деревенский простой дурачок
стал городским сумасшедшим.

«Бейте в голову контрольным...»

Бейте в голову контрольным —
мозгу все равно не больно,
а от клятв и от молитв
голова и так болит.

Ностальгическая правда

Сибирских руд глубины,
московских смут раздразн, —
что русскому чужбины,
как не, простите, рай?

«Отнюдь не шизофреник...»

Отнюдь не шизофреник,
а может быть, и да,
свяжу себе я веник
на долгие года,

и в назиданье миру
являя благодать,
навек сниму квартиру
и стану подметать,

узнаю толк в посуде,
в любые сферы вхож,
но сердце не забудет,
что на земле я – бомж.

«Мне и привычки мои не нужны...»

Мне и привычки мои не нужны,
словно бы это вообще не я —
что ещё хуже ухода жены?
Только ее возвращение.

Об экспертном сообществе

К счастью, более чем смертное
всё сообщество экспертное.

Педагогическая поэма

В воскресный день с сестрой моей
мы вышли со двора:
«Я поведу тебя в музей», —
сказала мне сестра,
и по дороге в этот дом
зашли мы на Сенную,
там били женщину кнутом,
крестьянку молодую,
и я сказал сестре моей:
«Зачем нам, собственно, музей?».

Смерть чиновника

Пусть мир предельно сложен,
пусть Пурим, как звонок,
но я не понял всё же,
причём тут Починок.

Ебучие цунами,
попался и фьюить —
зачем Он шутит с нами
так, как нельзя шутить?

«Нисколько мне не мил...»

Нисколько мне не мил,
не будь помнут к ночи,
октябрь уж наступил,
похоже, даже очень, —

да вот не тянет вспять,
хотя, согласно драме,
само собой опять
зима не за горами.

«Не альфа и омега...»

Не альфа и омега,
но всё же помнить надо —
мне хорошо без снега,
а если снегопада
и впрямь дождётся эго,
вкушая здешний драйв,
ну что ж, немного снега,
возможно, будет в кайф.

Оборона Востока

Ляксандры, титы, буши,
распнёте – вам же хуже.

«Обожаю вальсики и блюзики...»

Обожаю вальсики и блюзики,
но всё чаще – хоть казнить вели —
хочется сумбура вместо музыки,
вместо неба даже и земли.

«Всегда со всеми ровен...»

Всегда со всеми ровен
повсюду наш игумен,
а Людвиг ван Бетховен
влюбился в бизнес-вумен.

Он ей готовил каши
и приглашал на танцы,
короче, что тут скажешь —
где мы, а где германцы.

«Нам семьдесят скоро...»

Нам семьдесят скоро,
пора, брат, пора
стать членами хора,
играть в баккара,
заглядывать в Тору,
а там невзначай
податься в вахтеры —
в монахи, считай.

«История – петля...»

История – петля,
что в фокусе зениц
яснее и нуля
и прочих единиц, —

и новой скуки для
я снова тороплю
Того, Кто у руля,
затягивать петлю.

«Ходят имяреки...»

Ходят имяреки
и другие люди
из варягов в греки,
а из чуди в юди,
ходят хоть при хане и
на одном дыхании,
словно Божий гурт,
а ещё – бегут.

«Весь как, извините, ребус...»

Весь как, извините, ребус,
на маршрут ушёл троллейбус,

а навстречу мчится «форд»,
словно вылитый кроссворд —

что-то сильно не в порядке:
век живёшь, а всё загадки.

Мандат

Безусловно, можно, сударь,
волком выть и бить посуду, —
жизнь, и правда, вечная,
как ссуда ипотечная.

Охотничья песенка

Разве есть профессия
лучше мракобесия?

Человеку трудно ведь
не охотиться на ведьм.

Скажем, безработица —
как не поохотиться?

«Поминая присных наудачу...»

Не жалею, не зову, не плачу...

Сергей Есенин

Поминая присных наудачу,
прожигая наше ремесло,
я всё чаще так или иначе
и жалею, и зову, и плачу —
видимо, мне просто повезло.

«Я – Толстой, на мне толстовка...»

Я – Толстой, на мне толстовка,
а в руке моей листовка,
на листовке текст простой:
«Славься, славься, Лев Толстой!».

Отцветает подорожник,
небеса не ловят блох —
я прекрасен как художник,
как философ – слаб и плох.
Это знает каждый школьник,
каждый Думы депутат,
демократии невольник,
каждый маршал и солдат.

И гундосит лектор честный,
излучающий покой:
«Лев Толстой – артист чудесный,
а философ никакой».

Не подам тому я руку,
кто избрал насилья путь,
сея зло, – но эту суку
удаблю когда-нибудь!

Гурман

Мне те поля, луга, леса,
как докторская колбаса —
наипервейшее из блюд, —
я и теперь её люблю,
она и здесь как ноу-хау,
к тому же, даже в чёрный день,
отнюдь не всё везде я хавал,
что подавали, ясен пень.

Памятник

Нет Вознесенского, нет Ахмадулиной,
Бродского нет и подавно – а хули нам —
вы не поверите, добрые люди,
но Межурицкого тоже не будет:
сгинет, любезный, во мраке колодца —
он не из тех, кто в гостях остаётся.

«Что нам надо...»

Что нам надо —
чтоб Иран не обогащал уран,
или лучше, чтоб уран
не обогащал Иран,
или чтобы утром ранним
Бог с небес спустился вниз
и увидел, что в Иране
полюбили сионизм?

«Чувак, не будь по жизни чайником...»

Чувак, не будь по жизни чайником,
моллюском, овощем, валежником —
не кое-как лижи начальнику,
но от души лижи мятежнику
за правду, а не для довольствия —
иначе что за удовольствие?

Непротивления

1.

Да, ищет рыба впрямь, где глубже,
а честный человек – где хуже,
где полный, так сказать, отстой,
как завещал сам Лев Толстой.
Жизнь не пикник, а сущий ад,
зато ты нравственно богат
и посреди земного шума
то вспомнишь Лейбница, то Юма,
то Лялю из восьмого «Б»,
то летний пляж, то КГБ,
а там, глядишь, как будто рад
тому, чье имя – Сущий Ад.

2.

Конечно, лучше на веранде
базарить о Махатме Ганди,
чем тырить в лавке колбасу
или разбойничать в лесу,
или во всей своей красе
за бочку скурвиться с вареньем, —
но даже с этим откровеньем
согласны далеко не все.

«Боюсь ли Страшного суда?..»

Боюсь ли Страшного суда?
Могу сказать и «нет», и «да»,
что всем, пожалуй, по плечу,
а значит, лучше промолчу, —
но если Страшного суда
не будет вовсе никогда —
хочу я или не хочу, —
то это страшно, господа,
а посему держу свечу,
не опасаясь пересуд, —
шучу я или не шучу —
за этот самый Страшный суд.

«И ты на целый мир не в ярости...»

1.

И ты на целый мир не в ярости,
и я в отставке адмирал,
но разве от счастливой старости
никто ещё не умирал?

2.

...и с тобой прощаясь нежно,
говорю я: «Майне кляйне,
не грусти вельми, понеже
скоро встретимся в онлайн».

Эволюция бунта

Проведите, проведите, отведите меня к нему,
я хочу видеть этого уполномоченного
по правам человека!

«Природа, как была наук мудрей...»

Природа, как была наук мудрей,
так и сейчас непостижима столь же:
чечен в России больше, чем еврей,
хотя на первый взгляд – куда уж больше.

«История берёт веса...»

История берёт веса,
невероятные весьма,
и всё коварней лотереи:
в Москве – арабская весна,
в Египте – русская зима,
а виноваты не евреи.
Или, даст Бог, опять они?
Тогда продлятся наши дни.

Подмосковные стансы

От с коррупцией борьбы
вечно счастливы рабы,
Подмосковье, Подмосковье,
где похерил счёт часов я
на ближайших полчаса —
и леса, леса, леса...
Знаю, мир бывает мрачен,
но судьбе наперекор
от того, что там батрачил,
я кайфую до их пор.
Я и нынче не помещик —
люди для меня не вещи,
к сожаленью или к счастью —
мало ли чего мне жаль, —
но взаимного согласия
я с тобой не избежал —
помнишь ли меня, Светлана,
не гусара, не улана,
но – такая уж судьба —
на плантации раба?
Подмосковье, Подмосковье,
среди египетских песков я
лично коротаю век
как свободный имярек —
и кому до гор поклонских

здесь, на реках вавилонских,
где планетам шлёт поклон
стольный город Вавилон?
До свиданья, Подмосковье,
в сандалетах без носков я
жив, здоров и клал табу
на с коррупцией борьбу.

Ляля и гражданин

Гражданин:

Вожди друг друга постреляли,
но нам не жаль их – мне и Ляле.

Ляля:

Как бы там ни было, адью, —
я ухожу как раз к вождю.

Гражданин:

Разит попсой, как от винила,
тебя ведь от вождей тошнило, —
не превращай бывшее в шлак!

Ляля:

Считай, что я уже ушла.

Хор:

Ушла, вернуть её нет шанса —
какой урок из перформанса?

Гражданин:

Житейских посреди стремнин
извечно в жопе гражданин,
будь он хоть трижды волк матёрый.

Хор:

О боги, люди и актёры,
слова его как в сердце нож,
но Лялю этим не вернёшь,
однако, Ляля, подожди,
скажи, зачем тебе вожди?

Ляля:

А ты не слышал, Хор-отец,
что Альфа, например, самец
не то же, что самец Омега?

Гражданин:

Какая, извините, мега—
ущербность, чисто моветон,
душа у женщины – бетон,
болото, типа холодец, —
а ты что смотришь, Хор-отец,
на ужас этот в стиле фолк?
Скажи ей про гражданский долг!

Хор:

Ты прав, аж слезы накатили,
давай поговорим о стиле.

Теория общей судьбы

Всё возможно в этом мире,
и Нерон, ступив за край,
всё же сделал харакири,
умерев как самурай.

Правда, то не харакири
было, но о том и речь,
что, на вещи глядя шире,
можно этим пренебречь.

Памяти хороших времён

Академик Зуев
доказал, что Этна —
это не Везувий,
а душа бессмертна, —
и добавил некто,
благородный кто-то,
что вносили лепту
в данную работу
ассистенты Гавел,
Гурвич и Гуревич,
с чем их и поздравил
лично цесаревич.

Особый путь

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Мы Газу отдали татарам,
Когда стоял вселенский вой,
Что, мол, крещеный мир в отпаде
От наших зверств, скажи-ка, дядя,
А не молчи, как неживой.

—Во-первых,— я тебе не дядя, —
Ответил, никуда не глядя,
Мой бедный дядя, словно псих, —
А во-вторых, все люди братья:
Татары, блин, евреи, мать их,
И звери – братья, как без них!

В среде племён, в семье народов
Мы братья все, вплоть до микробов,
Нас, прямо скажем, тьмы и тьмы,
И что ни тьма, то снова братья,
Как правильно успел сказать я,
И сестры – братья, как и мы!

Чтоб довести врага до шока,
Подставь ему другую щёку,
И враг, не выдержав, умрёт —
Подумаешь, отдали даром

Что бы то ни было татарам —
Зато мы избранный народ!

Свято место

Там, в узле тугом,
будь хоть трижды крут,
что почём кругом
не поймёшь, а тут
свечи, хмырь с венком,
мрамор да гранит,
ну и тот, по ком
колокол звонит.

Бург

Жить не сложно вроде бы —
было бы лавэ —
в Камнеграде-городе
на реке Неве.

Чадó Богородицы
посреди трясин, —
смерти здесь не водится,
сколько ни проси.

«И в очумелом бездорожье...»

И в очумелом бездорожье,
и посреди самой Москвы,
конечно, церкви – храмы Божьи —
при всей к ним ревности, увы.

Я рад, что люди верят в Бога,
кто без труда, а кто с трудом,
что есть на свете синагога —
не Божий храм – молитвы дом.

«Поскольку истина проста...»

Поскольку истина проста,
а муза вовсе глуповата,
сочту пришествие Христа
вторым пришествием Сократа,
к тому же их уходы тоже,
увы и ах, но так похожи,
хотя на первый взгляд как будто
гуманнее креста цикута.

«Если правда есть Небесный босс...»

Если правда есть Небесный босс,
с Ним какие могут быть игрушки?
Бога не зовут Иисус Христос
или Александр Сергеевич Пушкин, —
невозможно этого не знать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.